

УДК: 327
DOI: 10.31857/S2686673024080013
EDN: XFHDGG

Вторая холодная война

К.В. Бабаев

*Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН)
Российская Федерация, Москва 117997, Нахимовский пр-т, д. 32.
Researcher ID: HPB-7936-2023 Scopus Author ID: 36550087400 PИИЦ ID: 672218
ORCID: 0000-0001-5731-8667 e-mail: kbabaev@iccaras.ru*

Резюме. Статья даёт определение текущей геополитической ситуации как второй холодной войны, во многом повторяющей конфигурацию противоборства СССР и США во второй половине XX века. Термин «вторая холодная война» уже введён в научный оборот в западной литературе и призван подчеркнуть, что нынешнее противостояние между Россией и Китаем, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, в целом повторяет процессы, происходившие в мире после Второй мировой войны, однако характеризуется рядом отличительных особенностей. В статье анализируются конкретные параллели в международных политических и экономических отношениях в период первой холодной войны (1946–1991) и в сегодняшнем мире, проводится сопоставительный анализ военных, политических, идеологических и экономических аспектов двух холодных войн, анализируется природа основных различий между двумя периодами и делается прогноз развития международных отношений в контексте глобального противостояния и формирования триполярного мира в XXI веке.

Ключевые слова: холодная война, российско-американские отношения, гонка вооружений, экономические санкции, конфликт на Украине, международные отношения.

Для цитирования: Бабаев К.В. Вторая холодная война. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(8): 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013
EDN: XFHDGG

Cold War II

Kirill V. Babaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.
Researcher ID: HPB-7936-2023 Scopus Author ID: 36550087400 PИИЦ ID: 672218
ORCID: 0000-0001-5731-8667 e-mail: kbabaev@iccaras.ru*

Abstract: The article defines the current geopolitical situation as the Second Cold War which resembles a lot the configuration of a global counteropposition between the USA and the Soviet Union in the 2nd half of the 20th century. The term “Cold War II” has already been introduced to the Western scientific literature and is made to emphasize that the current conflict between Russian and China, on one hand, and the USA and their allies, on the other, replicates many of the processes which were going on in the world after World War II but still possesses a number of characteristic traits. The paper analyses concrete parallels in the international political and economic relations in Cold War I (1946-1991) and in today’s world. A comparative analysis is made of military, political, ideological, and economic aspects of the two Cold Wars. The distinction

between the two periods is made, and a forecast of the development of international relations in the context of this global opposition in the 21st century is made.

Keywords: Cold War, Russia-US relations, arms race, economic sanctions, Ukraine conflict, international relations.

For citation: Babaev, K.V. Cold War II. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(8): 5–15. DOI: 10.31857/S2686673024080013 EDN: XFHDGG

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Дискуссия о том, завершилась ли холодная война между Россией и США или продолжается, не утихает. На эту тему в научно-экспертном дискурсе сформировались три мнения.

Первое состоит в том, что холодная война бесповоротно закончилась победой США над СССР в 1991 году и тем самым стала частью истории. Это мнение характерно для американских (шире – западных) политологов, следующих в русле тезисов эпохальной работы Ф. Фукуямы [Fukuyama, 1992; Westad, 2005]. Как и после окончания Первой мировой войны, в 1990-е годы на Западе возникло эйфорическое ощущение окончательной победы западной демократии и либеральной цивилизации, от которого многим нынешним учёным сложно отказаться. Признать, что холодная война снова на столе после тридцати лет вселенского триумфа Америки, разумеется, нелегко. Лучше, полагают они, назвать нынешнюю ситуацию как-то иначе.

Вторая точка зрения возражает: холодная война продолжается, хотя её нынешняя фаза существенно отличается от того, что мир наблюдал сорок лет назад, в 1984 году, потому что участником противостояния стал Китай, Россия же является лишь его клиентом. Однако события последних двух лет отчётливо показали, что основными акторами противоборства являются именно Россия и США, а главным регионом раздора снова стала Европа, весьма далёкая от китайских национальных интересов. Кроме того, проблемы экзистенциальной пропасти между Россией и НАТО никуда не делись, как, впрочем, и само НАТО. Пока существует главный альянс холодной войны, не закончена и сама война [Батюк, 2018].

И всё же по многим параметрам текущая ситуация отличается от второй половины прошлого столетия, да и тридцатилетний перерыв в «боевых действиях» холодной войны нельзя игнорировать. Это качественно другая война. В настоящей статье мы ставим задачу доказать третью точку зрения: в 2014 году в мире началась и по сей день развивается холодная война несколько иного рода, чем та, которую мы привыкли ограничивать рамками 1946–1991 годов. Мы назвали бы её второй холодной войной.

Как Вторая мировая стала логичным продолжением Первой, потому что триумфаторы Версаля не сумели выстроить прочного мира с учётом всех интересов, так и нынешняя холодная война между Россией и США является неизбежным результатом «головокружения от успехов» американской дипломатии в её ощущении окончательной победы над всеми оппонентами. Сегодня победа в первой холодной войне для Запада оборачивается чувствительным поражением.

Термин «вторая холодная война» не новый: его начали изредка употреблять в политологическом дискурсе в последнее десятилетие. Возможно, первым, кто

ввёл это понятие в оборот, был американский историк Г. Чанг, который имел в виду систему отношений трёх великих держав после визита Р. Никсона в КНР в 1972 году [Chang, 2008]. Примерно тогда же об идущей в мире второй холодной войне заявил Э. Лукас [Lucas, 2008]. Недавно эту же мысль повторил известный американский историк Н. Фергюсон. В России данное определение встречается в ряде публикаций, в том числе в работе [Неменский, 2018], к которой мы ещё обратимся ниже. Однако в широкий оборот термин «вторая холодная» пока не вошёл, и нам представляется полезным проанализировать его валидность для определения нынешней системы международных отношений.

В настоящей статье мы фокусируемся на российско-американском противостоянии, лишь опосредованно касаясь столь же «холодного» назревающего конфликта между Китаем и США. Это сделано намеренно: во-первых, потому что вовлечение в анализ китайско-американских отношений сильно увеличило бы объём работы, во-вторых, потому что для сравнения между двумя холодными войнами именно российско-американское противоборство является наиболее наглядным.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Рассмотрим сперва основные сходства между двумя холодными войнами, которые позволяют нам сделать указанные выше утверждения.

(1) Прежде всего, цели сторон в первой холодной войне сводились к борьбе за глобальное влияние. Две крупнейшие ядерные сверхдержавы соперничали между собой в Восточной и Южной Азии, в Европе и Тропической Африке, на островах Куба и Гренада, в Антарктиде и Арктике.

Эти цели актуальны и сегодня для России и США. После нескольких лет внешнеполитической слабости к середине третьего десятилетия XXI века Россия вновь заявляет о своих интересах в Венесуэле и Никарагуа, активно участвует в урегулировании конфликта в Сирии, успешно осуществляет военно-политическую экспансию в Западной и Центральной Африке и выступает одним из основных драйверов антизападного (читай, антиамериканского) сентимента в мире в целом. Национальные интересы России и США вновь распространяются на весь Земной шар, и борьба за глобальное влияние в полной мере возродилась, даже усилившись после 2022 года.

(2) Цель расширения глобального политического влияния (и, соответственно, ограничения такого влияния противоположной стороны) приводит к формированию глобальных систем военно-политических союзов, происходящее сегодня в мире. «Блоковое противостояние» можно сколько угодно осуждать в публичных выступлениях с обеих сторон линии украинского фронта, но оно уже стало реальностью – весьма схожей с той, что наблюдалась во второй половине предыдущего столетия.

Сейчас, как и тогда, застрельщиком «сдерживания» (именно этот термин фигурировал в американском истеблишменте при Трумэне, как фигурирует и при Байдене) выступили Соединённые Штаты. За созданием в 1949 году НАТО последовали другие военно-политические конструкции с участием США – от Организации центрального договора (*The Central Treaty Organization*, СЕНТО) и

Организации Договора Юго-Восточной Азии (*South-East Asia Treaty Organization, SEATO*) в Азии до Тихоокеанского пакт безопасности (*Security Treaty – Australia, New Zealand, United States, ANZЮС/АНЗЮК*) в Тихом океане. Сегодня мы видим их фактическое возрождение в прежнем формате при новых названиях – но сущность и цели АУКУС (*AUKUS*) образца 2024 года до степени смешения напоминает сущность и цели АНЗЮС образца 1954 года [Бабаев, 2022].

Россия, публично и весьма дальновидно демонстрируя отход от «альянсов времён холодной войны», предпочитает менее формализованные конструкции, однако подчас с весьма сильными игроками – такие, как «дружба выше любых альянсов» с КНР или форум БРИКС, где нет явного гегемона, а участники объединены общим недовольством диктатурой США в мировой политике и экономике.

(3) Помимо собственно союзников, обе стороны в глобальном противостоянии ищут себе единомышленников, пусть даже не связанных общими обязательствами. Противостояние в Генеральной Ассамблее ООН и подсчёт голосов по громким анти-российским или антизападным резолюциям – хороший пример глобального соперничества и борьбы за голоса, которые вроде бы ничего не дадут, кроме дополнительной демонстрации влияния. Соединённые Штаты оперируют понятием «мировое сообщество» для демонстрации глобальной поддержки своей политики, в России в последние годы родился удачный конкурирующий термин «мировое большинство», означающий страны Глобального Юга вместе с Россией и её союзниками, которые объединяет недовольство диктатурой Запада в международных отношениях.

В итоге мир, как и в эпоху первой холодной, раскалывается не на два, а на три блока, третьим из которых выступает большинство государств мира, стремящихся остаться за рамками геополитического противостояния [Gopinath, 2024]. Глобальный Юг XXI века по своему составу и идеологическому наполнению фактически повторяет Движение неприсоединения XX века, члены которого с большим или меньшим успехом стремились выдержать сбалансированную политику – в наши дни чаще всего называемую «многовекторной».

По мере нарастания противоборства между двумя сверхдержавами всё больше стран под их давлением будет захвачено водоворотом холодной войны и вынуждены будут занять чью-то сторону: как Белоруссия в пользу России или Филиппины в пользу США. Региональным лидерам – таким как Турция или Индия – возможно, удастся удержать баланс.

(4) «Холодное» противостояние между сторонами дополняется локальными конфликтами по всему земному шару, в которых стороны участвуют либо напрямую (США в Корею и Вьетнаме, Россия в Афганистане и на Украине), либо опосредованно через своих союзников и прокси. Сегодня США оказывают столь же объёмную помощь Украине, сколь активно когда-то Советский Союз поддерживал Пхеньян и Ханой в борьбе против американской интервенции – и даже в большей степени, так как в Корейской и Индокитайской войнах в боях инкогнито участвовали советские лётчики. Весьма вероятно, что войска западных держав в скором времени так же инкогнито появятся на украинском фронте.

Любой региональный конфликт в мире в эпоху холодной войны является либо следствием политики её участников-сверхдержав, либо вовлекается ими в

глобальное противостояние. Так, в конфликте в секторе Газа, начавшемся осенью 2023 года и не имевшем, казалось бы, никакого отношения к противостоянию великих держав, Россия заняла антиамериканскую позицию, де-факто склоняясь к поддержке Палестины.

В тех редких случаях, когда стороны напрямую оказываются вовлечёнными в региональные кризисы, они прикладывают усилия для сохранения контакта и недопущения открытых столкновений – как происходит сегодня в Сирии. США многократно заявляли, что выступают против применения своих вооружений, передаваемых Украине, для атак по российской территории – эта позиция также призвана остановить эскалацию прямого противостояния между Россией и США, переход холодной войны в «горячую» фазу.

(5) Для холодной войны (что, собственно, и делает её «холодной») очень характерно это сохранение дипломатических и военных сношений между противоборствующими участниками, вызванное политикой ядерного сдерживания. Стороны полны решимости не допустить ядерного столкновения. Именно поэтому особенную и весьма активную роль играют контакты на военном уровне, взаимодействие между генеральными штабами и министерствами обороны. Эти контакты, осуществляемые на сегодняшний день и по Украине, и по Сирии, также необходимы для избежания нежелательных инцидентов и прямого противостояния сторон.

Интересно, что союзникам и сателлитам великих держав поддержание контакта с противником вовсе не нужно. Они могут осуществлять любые самые эпатажные дипломатические выпады, разрывать отношения с оппонентами и даже призывать к переводу глобального конфликта в «горячую» фазу. Младшие участники коалиций всегда более агрессивны лидеров, потому что на них лежит меньше ответственности: КНДР 1950 года, Куба 1962 года и Эстония 2024 года хорошо иллюстрируют эту модель. Но даже сегодня, когда прибалтийские республики отозвали своих послов из России, посол США неизменно присутствует в Москве и периодически делает весьма значительные примирительные заявления. Между двумя военными ведомствами действует «горячая линия» по ситуации на Украине, сохраняются определённые контакты на политическом и экспертном уровнях, хотя они и не афишируются.

(6) Для экономики холодной войны характерна гонка вооружений – понятие, которому много лет (по меньшей мере полтора столетия), но которое стало активно употребляться именно в эпоху первого «холодного» противостояния США и России. Военные расходы России, по словам Владимира Путина, превышают сегодня 8% и выросли втрое с 2021 года, военные бюджеты США все последние годы бьют рекорды. Окончание первой холодной войны было оформлено прежде всего цепочкой договоров о разоружении, и это разоружение успешно шло в течение как минимум четверти века после запуска процесса разрядки М.С. Горбачёвым и Р. Рейганом. Однако затем тренд был сломан: с 2014 года соперничество между Россией и США в области военной авиации и ракетного вооружения возобновилось и с тех пор только расширялось. В настоящее время это соперничество вновь, как и в начале 1980-х годов, заходит в космическую сферу. Следует отметить при этом, что при несопоставимых расходах на военные нужды

(в США – около 900 млн долл. в год, в России – 120 млн долл.) стороны обладают паритетом в основных видах вооружений, а по некоторым позициям – в частности, по разработкам гиперзвукового оружия и по количеству ядерных зарядов – Россия существенно превосходит США. Военный паритет и гонка вооружений – ещё одна важнейшая характеристика холодной войны.

Рассмотрим теперь основные различия между геополитическими ландшафтами второй половины XX века и в текущий период. Как мы увидим, все они являются либо кажущимися, либо временными. (1) Основным возражением против тезиса «новой холодной войны» считается отсутствие чётко выраженного идеологического противостояния между геополитическими полюсами. Капитализм и социализм, рыночная и централизованная модель экономики – это доктрины, которые отчётливо разделяли социалистический лагерь и капиталистический мир в годы первой холодной войны. Сейчас, когда даже правящие коммунистические партии перевели свои экономики на рыночные рельсы, идеологическое противостояние, по логике, должно было исчезнуть.

Так и произошло в 1990-е годы. Но уже во втором десятилетии нашего столетия начинает происходить новый идеологический разлом, который к 2024 году обозначился не менее чётко: это разлом между неолиберализмом (или ультралиберализмом) и традиционализмом (или консерватизмом). Идеология толерантности на наших глазах сыграла с европейской цивилизацией злую шутку, загнав её в тотальную нетолерантность к другим идеологиям. Привычные нам «старолиберальные» европейские ценности – такие как частная собственность, верховенство права, равенство полов, моногамная семья и в первую очередь христианские догмы терпимости – в самой Европе практически полностью девальвировались, уступив место диктатуре меньшинств, агрессивному феминизму, отрицанию традиционной семьи, размыванию национальной идентичности и выводу детей из-под опеки родителей. Все эти столпы неолиберализма увенчаны принципом отрицания любого инакомыслия по ключевым вопросам социальной, политической, нравственной повестки. Сегодня на «Евроньюс» (*Euronews*) нельзя увидеть интервью представителя пророссийской позиции, как в европейском или американском научном журнале нельзя разместить статью с возражениями против доктрины глобального потепления или феминизма.

Именно торжество ультралиберализма привело к реакции со стороны консервативных обществ и государств, исповедующих традиционные ценности половых, семейных, корпоративных и национально-культурных отношений. И несмотря на то, что отрицание западных неолиберальных догм наиболее ярко выразилось в последние десятилетия на мусульманском Востоке (Исламская революция в Иране, приход к власти исламистов в Афганистане и Пакистане, «арабская весна» в странах Ближнего Востока и Северной Африки), волею судеб именно Россия сегодня возглавила движение за сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Консерватизм стал основой российской идеологии во многом как ответ на «диктатуру толерантности» в Европе и США, и теперь Россию и Запад разделяет идеологическая пропасть размером ничуть не меньше, чем полвека назад. По какой-то невероятной иронии именно Россия, страна

чрезвычайно травматичных ультралиберальных и антихристианских экспериментов XX века, теперь выступает хранителем христианских европейских ценностей, в то время как Европа повсеместно отрекается от них.

В Европе островами консервативных ценностей во многом остаются некоторые тяготеющие к России православные культуры (Сербия, Греция), государства с сильной католической традицией (Польша, Чехия, Венгрия), а также сама Римско-католическая церковь. Не зря именно Папа Римский активно призывает сегодня к мирному урегулированию конфликта на Украине.

Традиционные ценности чрезвычайно важны для мусульманского мира, преимущественно христианских стран Тропической Африки, государств Латинской Америки. В представлении многих народов Глобального Юга ультралиберальные заскоки Запада (вроде навязывания темы защиты сексуальных меньшинств в ходе Чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 года) являются свидетельством политики неокOLONIALИЗМА. Понимая это, Россия успешно оседлала антиколониальный дискурс в общении со странами Африки и Азии – опять же возвращаясь к удачным практикам времён первой холодной войны.

Таким образом, во второй холодной войне налицо весьма определённое идеологическое, ценностное противостояние (ср. более детальный анализ этого тезиса в работе [Неменский, 2018]).

Надо сказать, что в западной литературе тема идеологического противостояния тоже набирает обороты, однако там грань, как и в период первой холодной войны, проводится между демократическим миром и миром автократий [Owen, 2023; Sookman, 2024]. Однако это противопоставление представляется неточным: ведь в конце XX века лидер демократического мира США и автократический Китай сотрудничали максимально плотно. Да и сегодня противоречия между Россией и США, Китаем и США базируются вовсе не на разных взглядах на внутривнутриполитическое устройство. США осуществляют политику «сдерживания» и пытаются вовлечь Украину в НАТО вовсе не для того, чтобы установить в России или Китае режимы, схожие с западной демократией. Помимо этого, США продолжают с успехом поддерживать своих весьма авторитарных союзников на Ближнем Востоке или в Африке.

(2) Многим западным и ряду российских исследователей кажется нелепым сравнивать биполярный мир 1970-х годов и мир сегодняшний хотя бы потому, что СССР периода расцвета контролировал десятки государств мира, управлял сильными военным (ОВД) и экономическим (СЭВ) союзами, обширной сетью военных баз и группы влияния во многих государствах-оппонентах. Не споря о размерах геополитического или экономического влияния современной России, следует вспомнить, что в 1945 году, в преддверии первой холодной войны, единственным союзником СССР на планете была Монголия. Голосования в Генеральной Ассамблее в 1940-е годы наша страна проигрывала практически всегда. Однако успехи социалистического эксперимента, антиколониальное движение (во многом заданное импульсом ленинской идеологии) и резкий рост престижа Советского Союза как основного победителя во Второй мировой войне очень скоро изменили ситуацию, сделав СССР лидером социалистического блока, включавшего в разные годы от 30 до 60 стран.

Уже сегодня дружественные России режимы начинают множиться – в первую очередь потому, что Россия де-факто объявила себя анти-Западом. В Западной и Центральной Африке (Центральноафриканская Республика, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и пр.) приходят к власти военные правительства, которым российская идеология существенно ближе западной; в Азии существенно потеплели отношения Москвы с Мьянмой, КНДР, Ираном, не говоря уже о неформальном идеологическом союзе с Китаем. Даже в Европе Венгрия и Словакия уже называются «пророссийскими» государствами в составе антироссийского Европейского Союза. В странах Западной Европы появились пророссийские партии – сегодня это уже не коммунисты, а напротив – преимущественно крайне правые: «Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» во Франции и др.

Сложно сказать, будет ли развиваться этот тренд. Много будет зависеть от исхода конфликта на Украине: победа России в том или ином виде неизбежно и существенно поднимет престиж нашей страны и на Глобальном Юге, и в странах-соседах (прежде всего в Центральной Азии). Но уже сейчас ясно, что Россия далеко не так одинока, как это могло казаться ещё десятилетие назад.

(3) Нынешнее геополитическое противостояние характеризуется чрезвычайно активным использованием односторонних экономических ограничений (чаще всего именуемых «санкциями», хотя этот термин изначально относился только к международно признанным санкциям, налагаемым Совбезом ООН) [Пятибратов, 2020].

Действительно, если в 1991 году, по статистике Всемирного банка, в мире было установлено лишь около сотни таких ограничений, то уже в 2023 году их было более 15 000, и число односторонних санкций и контрсанкций продолжает расти. Ничего подобного по размаху в годы первой холодной войны, разумеется, не было.

Санкционная война Запада с Россией, Ираном, Китаем и другими оппонентами объясняется прежде всего процессами далеко зашедшей глобализации мировой экономики в последние полвека. В 1945 году Советский Союз был относительно слабо интегрирован в мировую экономику. Это позволило ему довольно легко выстроить параллельную мировую экономическую инфраструктуру внутри социалистического лагеря: в 1980-х годах около 70% торговли СССР приходилось на соцстраны. Два мировых лагеря существовали и в политике, и в экономике.

В 2014 году ситуация была совершенно иной: на прошедшие к тому моменту два с лишним десятилетия Россия (как ещё раньше Китай и другие бывшие соцстраны) сумели плотно интегрироваться в единую мировую экономику и финансовую систему. Однако противостояние в идеологии и политике неизбежно приводит к тому, что сегодня называют «декаплингом» или «френдшорингом»: государства стремятся нанести экономический ущерб своим геополитическим оппонентам, ограничив взаимодействие с ними и сосредоточив торгово-экономические связи на дружественных странах.

В результате вала западных односторонних ограничений глобализация на планете завершилась. Мировую экономику ждёт весьма скорый распад на две системы, каждая из которых будет обладать безопасной для себя финансовой, торговой, регуляторной инфраструктурой. Её создание назрело: уже сегодня Россия не может нормально торговать с Китаем, Турцией, ОАЭ, Казахстаном в рамках

международной финансовой системы, контролируемой из Вашингтона, и не может полагаться на мировые валюты: доллар и евро. Это неизбежно приведёт к созданию новых параллельных инструментов для оппонентов Запада во главе с Россией и КНР: системы отслеживания финансовых сообщений (по аналогии со *SWIFT*), системы банковских услуг и страхования, системы торговых правил, а также арбитражных судов – потому что уже сегодня в западных арбитражах получить решение в пользу российского контрагента практически нереально. Надвое распадается даже мировой торговый флот, разделяясь на те суда, которые выполняют введённые Западом ценовые ограничения на российскую нефть, и на те, что выходят из-под контроля страховых компаний, пополняя всемирный «теневой флот».

Таким образом, вторая холодная война постепенно оформляет две конкурирующих экономических системы – по сути, именно этой цели и служат санкции западных стран, которые ни к какому иному результату привести не смогут.

(4) Наконец, важно отметить, что нынешняя холодная война отличается от первой размахом информационного противостояния, чего попросту не могло быть полвека назад. Интернет, социальные сети, вирусные новости и высочайшие технологии создания фейков стали новым словом в глобальном противостоянии. По существу, не изменилось ничего: стороны и раньше соревновались друг с другом в пропаганде собственной точки зрения и замалчивания точки зрения оппонентов. Изменились лишь инструменты: появились кибервойска и массированные информационные кампании, фабрики по производству «общественного мнения», ограничения на получения информации из Интернета и использование искусственного интеллекта для зачистки информационного пространства. Эти технологии – отличительная черта второй холодной войны, как и многие другие современные технологии, поставленные на службу глобальному противоборству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗЫ

Первая холодная война продолжалась 45 лет и претерпела за этот период существенные трансформации. Противостояние по сути своей прошло две фазы.

Сначала оно было весьма жёстким и в первые 15 лет мир стоял на грани ядерной войны. В США были разработаны планы ядерных ударов в Советскому Союзу, а Мао Цзэдун всерьёз рассуждал о третьей мировой, в которой может погибнуть треть человечества (зато остальные выживут и построят коммунизм).

Затем фаза взаимного отрицания (начавшаяся ещё в 1917 году) постепенно перешла в фазу мирного сосуществования, официально провозглашённого Н.С. Хрущёвым. С 1962 по 1991 год на Земле уже не было ядерных кризисов. СССР и США более или менее успешно взаимодействовали в экономике, общественной жизни, культуре и спорте, плодотворно работали в рамках ООН и её Совета Безопасности, а с 1972 года начали заключать договорённости об ограничении вооружений. Обе стороны прекрасно поняли, что победы на поле боя не добьётся ни одна из них, и умело поддерживали баланс и стабильность в системе международных отношений, идя на взаимные компромиссы.

Сегодня Запад всё ещё находится в фазе отрицания. В Вашингтоне по-прежнему уверены, что сила является единственным инструментом, способным обеспечить Западу победу в новом глобальном противостоянии. Правящий истеблишмент верит, что холодная война закончилась победой, и сегодня осталось лишь преодолеть небольшие сложности в лице ослабленной, изолированной России. Чем дольше они будут в это верить, тем сильнее реальность будет расходиться с ожиданиями – это показывают как история первой холодной войны, так и сегодняшний день.

Россия успешно выдерживает напор беспрецедентных западных санкций и успешно сражается с блоком НАТО на Украине. Её влияние растёт в тех регионах мира, которые ещё вчера казались вотчинами стран Европы или США. Недальновидная политика Вашингтона привела к невиданному сближению России и Китая, а также росту антизападных настроений на всём Глобальном Юге, что в свою очередь повлекло мировой триумф БРИКС.

Помимо этого, нельзя забывать, что ни сегодняшний, ни завтрашний мир ни в коем случае не являются биполярными, как это было в эпоху первой холодной войны. Стратегический треугольник США – Россия – Китай представляет собой устойчивую конструкцию, баланс в которой только и способен предотвратить сползание мира к ядерной войне [Морозов, Батюк, 2022]. Триполярный мир представляется той конструкцией, которая сможет обеспечить всеобщую безопасность на протяжении всего XXI века. Подробное описание этой конструкции и её возможных вариантов приведено в работе [Бабаев, 2024].

Стоит ожидать, что в Вашингтоне не за горами реальная оценка баланса сил и постепенный переход к фазе сосуществования. Возвращение США к компромиссам на мировой арене будет означать, по всей вероятности, формирование новых глобальных правил и институтов безопасности, новой системы международных отношений взамен изжившей себя Ялтинско-Потсдамской. Возможно, со временем это поможет миру преодолеть текущее противостояние и выйти единственным победителем из второй холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабаев К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2023. Т. 16. № 1. С. 107–127. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

Бабаев К.В. Триполярный мир. *Евразийский ежегодник 2024* (2). М., РАН, 2024. В печати.

Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М.: «Весь Мир», 2018, 336 с.

Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН, 2022, 544 с.

Неменский О.Б. Вторая холодная война как ценностный конфликт. *Вопросы национализма*. 2018. – № 1(31). – С. 26–40.

Пятибратов И.С. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений. *Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки*. Т. 10, № 6, 2020. С. 61–65. doi:10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65

REFERENCES

- Babaev, K.V. "All the Indo-Pacific Men": The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 107–127.
- Babaev, K.V. The tripolar world. *Eurasian Yearbook 2024* (2). Moscow, RAS, 2024. In print.
- Batyuk, V.I. Cold War between the United States and the Soviet Union (1945-1991). *Essays on the history*. M. Ves Mir Publishers, 2018, 336 p.
- Chang, G. "Review: Nixon in China and Cold War I and Cold War II". *Diplomatic History*. 32 (3), 2008. Pp. 493–496.
- Fukuyama, F. *The end of history and the last man*. NY: Free Press, 1992.
- Gopinath, G. Geopolitics and its Impact on Global Trade and the Dollar. *International Monetary Fund*, 07 May 2024. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/05/07/sp-geopolitics-impact-global-trade-and-dollar-gita-gopinath>
- Lucas, E. *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West*. Palgrave Macmillan, 2008.
- Morozov, Yu.V., Batyuk, V.I. The strategic triangle of the USA – China – Russia: challenges and prospects for Russia's security. Moscow: ICCA RAS, 2022, 544 p.
- Nemensky, O.B. The Second Cold War as a conflict of values. *Issues of nationalism*, 2018. № 1(31). pp. 26–40.
- Owen, J. *The Ecology of Nations: American Democracy in a Fragile World Order*. Yale University Press, 2023.
- Pyatibratov, I.S. Sanctions and unilateral restrictive measures: The problem of differences in terms and identity of phenomena. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, Vol. 10, No. 6, 2020. pp. 61–65. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-61-65.
- Sookman, B. Cold War 2.0: The Battle Between Democracies and Autocracies. McCarthy Tetrault, 03 March 2024. <https://www.mccarthy.ca/en/insights/blogs/techlex/cold-war-20-battle-between-democracies-and-autocracies>
- Westad, O.A. *The global Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАБАЕВ Кирилл Владимирович, Kirill V. BABAEV, Doctor of Philology, доктор филологических наук, профессор, директор Института Китая и Contemporary Asia of the RAS (ICCA RAS).
современной Азии РАН (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997 32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117997
Москва, Нахимовский проспект, д. 32. Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024 / Received 27.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 9.06.2024 / Revised 9.06.2024.

Статья принята к публикации 10.06.2024 / Accepted 10.06.2024.